

"Игрок" Достоевского и "Манон Леско" Прево

(Аспект исторической поэтики)

Русская литература, No 3, 2004

OCR Бычков М. Н.

"Игрок" занимает специфическое место в ряду романов Достоевского: на уровне внешнего повествования в нем полностью господствует чисто авантюрный сюжет, характеры и сюжетная топика решены со значительной долей условности и нарочитой схематизации. И вместе с тем автор умеет в эти рамки сложное психологическое содержание.

Истоки этой жанровой формы, по нашему мнению, восходят прежде всего к литературе XVIII века -- творчеству аббата Прево. Хорошо известен внешний повод для такого сопоставления: один из героев "Игрока" наделяется именем персонажа романа Прево "История кавалера де Гриё и Манон Леско". Правда, из благородного героя, каким является де Гриё у Прево, носитель этой фамилии превращается в романе Достоевского в заурядного проходимца.

Факт близости двух произведений отмечался лишь на уровне характерологических переключек.¹ Автор наиболее развернутого из имеющихся сопоставлений романов Достоевского и Прево, Н. К. Данилова, объединяет их на основе общности темы "губительной силы страстей, властвующих над человеком, если он не в состоянии противопоставить им свою твердую волю".² Однако за порогом осмысления остается восприятие русским писателем жанровой традиции Прево как таковой, которая определена синтезированием двух жанровых форм -- психологического (любовно-психологического) и авантюрно-бытового (пикареского) романа.³

Протагонист Прево парадоксально существует в двух как бы параллельных контекстах: мире внутреннем, психологическом, и мире афер и приключений, где главенствует внешнее действие. Во второй мир втягивает кавалера де Гриё "коварная Манон", но она же способствует открытию героем новой духовно-чувственной реальности -- состояния любви. Утверждая синтетическую жанровую форму, Прево строит новый образ человека, возникающий на пересечении внешнего и внутреннего, уходя от традиционного для авантюрного романа сведения личности, с ее сложным духовным миром, до простой сюжетной функции.

Между тем эти функции в "Манон Леско" заданы: "неопытный юноша" и "коварная развратница" (вариант пикаро). Первый, оставаясь наивным, обнаруживает вместе с тем настоящую глубину страсти, известное понимание своего положения, наконец, раскрывает широту своего мира в актах саморефлексии. Вторая, будучи по-своему честной в своих постоянных изменах и покаяниях, оказывается скорее вечной загадкой, ускользающей от этической оценки; более того, в Америке она преображается; смерть героини трагедизирует и возвышает ее образ. Используя готовую сюжетную топика, Прево стремится максимально разнообразить и остранисть ее, вплоть до парадокса. В этом секрет неизменного обаяния этого романа.

Установка Прево -- педагогически-просветительская: "немало событий, которые могли бы послужить назидательным примером"; "развлекая, наставляя читателей",⁴ и она коррелирует с присущей романному жанру "поэтикой нравственного компромисса"⁵ -- попыткой понять и оправдать человека в любом его положении.

Кроме того, для Прево как писателя XVIII века важны моменты сословной, социальной, семейной обусловленности героев, в зависимость от которой ставятся такие их качества, как честь или бесчестие, благородство или низость и т. д. При этом героям опять-таки дается возможность выйти за пределы этой схемы -- не перечеркнуть или перевернуть ее, а раскрыться в большей широте ("естественности"), чем это может предполагать та или иная детерминированность. В жизненно-натуралистический фон действия вторгается изображение стихийно-необычных человеческих порывов.

Форма повествования от первого лица, присущая обоим произведениям, сообщает им оттенок исповедальности и предельной искренности, она же задает контуры действительности в кругозоре протагониста, правда, у Прево ограничиваемого большим знанием "умудренного" автора.

По поводу романа Прево всегда остается вопрос: авантюра вторгается в любовь или любовь вторгается в авантюру? Прево склонен, скорее, объединять и то, и другое; в тенденции -- с отрицательным знаком (отсюда образ добродетельного Тибержа, пытающегося увещать де Гриё и